

И.Л. ДАМЕШЕК

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ХОЗЯЙСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ КРАЯ

Присоединение Сибири к России является, бесспорно, одним из выдающихся событий отечественной истории XVII в. Имея в виду именно это обстоятельство, М.Я. Гефтер отмечал, что Россия только тогда стала Россией, «когда вобрала в себя Сибирь». Именно с Сибирью Россия стала тем огромным пространством, которое называется Евразией (Гефтер М.Я. Из тех и этих лет... М., 1991. С. 383).

Дальнейшие взаимоотношения центра и вновь присоединенных восточных территорий в немалой степени определялись характером присоединения этих земель к России. Следует в то же время отметить, что применительно к Сибири имело место сочетание методов колонизации, как освоения пустопорожних земель и прямой экспансии, под которой автор понимает захват чужой территории. Продвигаясь на Восток, русское государство решало двуединую задачу: с одной стороны, расширение территории несомненно способствовало упрочению границ на восточном побережье; с другой — Сибирь манила к себе и своими немалыми естественными ресурсами — пушниной, солью, рыбой. Отмеченное обстоятельство в сочетании с природно-географическими и этническими особенностями региона предопределило «в известном смысле умеренный», мягкий характер колонизации, «мягкое» отношение к местным народностям. Последние рассматривались как данники московского царя, т.е. подданные государства, которые наряду с русскими крестьянами должны были нести определенные податные обязанности на его содержание. Это обстоятельство принципиально отличало колонизационную политику России в Сибири от политики США по отношению к индейцам, которые не платили налоги, и в соответствии с конституцией США не считались гражданами государства.

В задачу настоящей статьи не входит специальное изучение переселенческой политики. Такой анализ является темой самостоятельной работы. Кроме того, предшествующие исследователи вопроса внесли немалый вклад в теоретическое осмысление и фактологическое насыщение проблемы. (В качестве примера приведем лишь некоторых из них: Зябловский Е. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии. СПб., 1808; Бакаревич М.Н. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810; Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Азиатская Россия. СПб., 1914; В.Г. Сибирская деревня накануне октября. Иркутск, 1966; Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию. Иркутск, 1997).

Задача автора в данном случае видится в ином: опираясь на уже опубликованные результаты и привлекая новые материалы, показать динамику народонаселения региона и влияние этого процесса на хозяйственное развитие края.

Для того чтобы объективно оценить демографические процессы, протекавшие в Сибири, необходимо определить общую численность русского и коренного населения на протяжении всего изучаемого периода. Для этого сопоставим данные 7-й ревизии (1816 г.) и материалы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. В итоге получается, что за 81 год, с 1816 по 1897 гг., численность пришлого, главным образом, русского населения, возросла с 651 тыс. душ мужского пола (м.п.) до 2310 тыс. душ м.п., или на 354,8%. За этот же отрезок времени численность коренного населения увеличилась с 220 тыс. душ м.п. до 413 тыс. душ м.п., или на 87,7%. Таким образом, получается, что темпы прироста пришлого населения в 3,5 раза превышали темпы прироста коренных жителей. Отмеченное обстоятельство приводило к снижению удельного веса аборигенов в общей массе народонаселения региона с 25% в 1816 г. до 15% в 1897 г. Большая часть переселенцев оседала в районах Западной Сибири. Так, например, в период с 1816 по 1854 гг. в Сибирь (в границах начала XIX в.) переселилось около 119 тыс. душ м.п. (58,87%), в Томскую — 40 760 душ м.п. (34,3%), а на долю Иркутской губернии пришлось лишь 8093 души (6,81%) (Цифровые показатели рассчитаны автором по материалам: Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав населения Сибири в первой половине XIX в. // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 265–269; Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. Т. 1. СПб., 1912. С. 3).

Подобная же ситуация наблюдается и в пореформенные десятилетия. В период с 1861 по 1891 гг. в Сибири водворилось примерно 450 000 переселенцев, в том числе в Западной Сибири 350 000, а в Восточной Сибири — около 100 000. Объясняется это рядом обстоятельств. Западная Сибирь была расположена ближе к Европейской части страны, здесь находились наиболее плодородные земли. В Восточной Сибири активно заселялась Енисейская губерния, особенно Минусинская котловина. Иркутская губерния и Забайкалье в силу отдаленности от «коренных» губерний империи, сложности природно-климатических условий, мало пригодных для земледелия, в меньшей степени привлекали внимание переселенцев.

На протяжении всего XIX в. этническая граница проживания русского населения в Сибири постоянно расширялась. Этот процесс особенно усилился в начале XX столетия после строительства транссибирской железнодорожной магистрали и провозглашения новой переселенческой политики. Если с 1896 г. по 1906 г. в Сибирь переселилось 1,1 млн человек, то за 1906–1914 гг. — 3 млн человек, или в 2,7 раза больше. Даже с учетом «обратничества» (обратное переселение — И. Д.) в восточных районах ос-

талось 2510998 переселенцев, 235 039 ходочков, или 2 745 537 человек. Как и в дореформенный период, основная масса переселенцев (68%) оседала в Западной Сибири, на долю Восточной Сибири приходилось 32%.

Отличительной чертой демографической картины Сибири на протяжении всего изучаемого столетия является крайняя неравномерность распределения населения. Если в губерниях Западной Сибири, составляющих 26% территории региона, разместилось 8,8 млн человек, то в Восточной Сибири на 74% территории проживало лишь 30% населения. В 1912 г. средняя плотность населения составила 2,5 человека на 1 км² в Западной Сибири и 0,4 человека на 1 кв. км в Восточной Сибири. Для сравнения укажем, что в 1913 г. в Англии приходилось 130 жителей на 1 км², Германии — 102, США — 8, России — 6 (Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири. 1900–1928. Новосибирск, 1996. С. 67).

Еще одной особенностью демографических процессов в Сибири было явное преобладание сельского населения над городским. Думается, что она отражала характер развития экономических отношений в регионе. Сибирские города, первоначально возникшие как военные и административные центры, к началу XIX в. утратили эти функции и все больше превращались в места сосредоточения промышленности и торговли. В предреформенные годы в Азиатской России насчитывалось около четырех десятков городов, однако все они находились на разных ступенях развития. Лишь в шести их них население превышало 10 тыс. человек. В западной Сибири — это Тобольск (16 тыс.), Омск (8 тыс.), Томск (15 тыс.), Барнаул (12 тыс.); в Восточной Сибири — Иркутск (28 тыс.), Красноярск (10 тыс.). Такие, к примеру, города, как Тобольск и Иркутск, стали уже настоящими торгово-промышленными центрами. В то же время в Сибири было немало и «сельских» городов, население которых не превышало 1–3 тыс. человек. Это Ишим, Ялуторовск, Кузнецк в Западной Сибири, Киренск в Иркутской губернии и др. Некоторые города выполняли роль пограничных форпостов на юго-востоке Азии. В целом же удельный вес городского населения в пореформенной Сибири был вполне сопоставим с Европейской Россией и находился на уровне 10%. К концу XIX началу XX вв. в результате интенсивного притока переселенцев в Сибирь, оседавших преимущественно в сельской местности, это соотношение изменилось. Если в Европейской России в 1900 г. удельный вес горожан вырос до 12%, то в Сибири, наоборот, снизился до 8%. Накануне первой мировой войны эти показатели составляли соответственно 27 и 13% (Винокуров М.А. Суходолов А.П. Указ. соч. С. 69).

Таким образом, независимо от мотивов и побудительных причин самого переселения крестьянское движение на Восток объективно приводило к изменению этнической картины Азиатской периферии, которая в этом отношении все больше напоминала Европейскую метрополию. Хотя коренное население традиционно проживало на «своих породных» землях, однако эти лакуны все больше попадали в окружение русских сел и деревень. Дальнейшее нарастание потока переселенцев в начале XX в. поро-

дило острый спрос на удобные для занятия сельским хозяйством земли, образовался дефицит пригодных для заселения земель. В этих условиях правительство приступило к землеустройству аборигенов на принципиально новых основаниях. Тем самым был провозглашен курс на ликвидацию сословия «инородцев», слияние их с русским крестьянским населением. Реализация этой идеи, по замыслу ее петербургских творцов, не ограничивалась одной Сибирью. Воплощение на практике проекта «большой русской нации», о котором пишет Л.Е. Горизонтов (Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегиях самодержавия // *Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности*. М., 2001. С. 129–151), предусматривало постоянное расширение имперского ядра за счет поглощения окраин. Вариации этой политики можно проследить на примере других окраин империи (Бахтурина А.Ю. *Институты и структура управления национальными окраинами // Административно-территориальное устройство России...* С. 169–201).

Таким образом, задача хозяйственного освоения Сибири посредством переселений дополнялась и коррелировалась с идеей интеграции окраин в единое экономическое и социокультурное пространство. Тем самым, по замыслу правительства, решалась стратегическая задача окраинной политики — усиление политического единства империи.

С.А. ШАЛАНОВА

ИРКУТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (По материалам переписи населения 1897 г.)

Привлечение статистических данных из Переписи населения 1897 г. позволяет определить место молодежи в общих демографических процессах развития города Иркутска на рубеже конца XIX–начала XX вв.

В данном исследовании, за основу был взят возраст молодежи от 20–29 лет, так как именно в этот период, происходит формирование личности, подготовка к взрослой жизни, к созданию семьи. При изучении городской молодежи все подсчеты проводились в сравнении с иркутским населением в целом. Автор обращает внимание на общую численность молодежи, распределение по полу, семейному положению и грамотности.

Согласно Переписи населения 1897 г. молодежь 20–29 лет составляла 21,3% в составе всего иркутского населения. Соответственно, молодежь данного возраста насчитывала около 1/5 иркутского населения, что особенно важно при определении роли молодежи в процессе воспроизводства населения (Первая всеобщая перепись населения 1897 г.; по г. Иркутску. Иркутская губерния. 1906 г.). По половому признаку, распределение молодежи 20–29 лет соответствовало общероссийским тенденциям, когда мужчин было больше, чем женщин. Судя по данным под-